

Пролог

12 декабря 1974 г.

Дугласу Эдварду Каллену требовалось как можно скорее сбежать кой-куда. Слишком много впечатлений сразу свалилось на его неокрепшую трехлетнюю натуру, да и большой стакан кока-колы, выпитый за ленчем в «Макдоналдсе», которым мама его наградила за то, что он хорошо себя вел, пока она делала покупки, тоже сказывался: его мочевого пузыря был переполнен и грозил вот-вот лопнуть.

Он нетерпеливо приплясывал на носочках своих маленьких красных кроссовок. Сердце его колотилось так сильно, что казалось: если он сейчас не крикнет во всю мочь или не побежит со всех ног, раздастся взрыв.

Дуглас обожал, когда по телевизору что-то взрывалось.

Но мама сказала, что он должен вести себя хорошо. Если маленькие мальчики не слушаются маму, Санта-Клаус кладет им в чулок головешки вместо игрушек. Дуглас не знал, что такое головешки, зато он точно знал, что хочет игрушки. Поэтому он кричал и бегал только мысленно, как учил его папа. Все можно делать только мысленно, когда надо... когда просто необходимо сидеть смирно.

Дуглас стоял рядом с большим снеговиком. Снеговик усмехался. Он был ужасно толстый, даже толще тети Люси. Дуглас не знал, что едят снеговики, но вот уж этот точно ел очень много.

Ярко-красный нос Рудольфа¹, его любимого северного оленя, то вспыхивал, то угасал. В конце концов у Дугласа даже глаза заслезились.

В торговом центре было очень шумно: из динамиков неслась рождественская музыка, другие дети что-то выкрикивали, младенцы пускались в рев.

Как младенцы умеют реветь, Дуглас знал лучше всех. У него была младшая сестренка. Когда младенцы режут, их полагается брать на ручки и укачивать, расхаживая взад-вперед или сидя в кресле-качалке и напевая колыбельные. И еще их надо похлопывать по спинке, чтобы они пукнули.

Младенцы умеют пукать очень даже громко, и никто их за это не стыдит и не требует, чтобы они просили прощения. Потому что эти тупые младенцы вообще разговаривать не умеют!

Но сейчас Джессика не редела. Она спала в коляске и напоминала куколку в своем красном платице с дурацкими белыми оборочками.

Это бабушка так называла Джессику. Она звала ее своей куколкой. Правда, иногда Джесси начинала реветь без умолку, и тогда лицо у нее становилось красное и сморщенное. И сколько ее ни укачивай, сколько ей ни пой, ничто не могло заставить ее успокоиться.

¹ Красноносый олень Рудольф — персонаж популярной в США детской песенки. Своим носом он освещает путь санкам Санта-Клауса. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

А когда Джесси начинала реветь, она совсем не была похожа на куколку. В такие минуты она казалась сердитой и вредной. Когда такое случалось, мама переставала с ним играть. Раньше она никогда не отказывалась с ним играть — пока Джессика не забралась к ней в живот.

Порой Дугласу приходило в голову, что ему вовсе не нужна младшая сестричка, которая ревет и все свои дела делает в штанишки, а мама из-за нее так устает, что не может с ним играть.

Но чаще все было хорошо. Ему нравилось наблюдать за Джесси, смотреть, как она сучит ножками. А когда она хваталась за его палец — крепко-крепко! — Дуглас начинал смеяться.

Бабушка говорила, что он должен защищать Джессику, на то он и старший брат. Дуглас так разволновался, что как-то раз даже прокрался к ней в комнату и лег на полу у ее колыбельки, чтобы чудовища, живущие в стенном шкафу, не съели ее во сне.

Но утром Дуглас проснулся в своей собственной постели и решил, что ему, наверное, только приснилось, что он ходил защищать сестру.

Они продвинулись в очереди, и Дуглас тревожно покосился на ухмыляющихся гномов, пляшущих вокруг пещеры Санта-Клауса. На вид они были довольно-таки злые и вредные. Прямо как Джессика, когда начинала реветь.

Если Джессика не проснется, ей не дадут посидеть на коленях у Санты. Так ей и надо! Зачем вообще было наряжать Джесси и сажать ее к Санте на колени, раз она даже не извинится, если пукнет, и

вообще не может сказать Санте, что она хочет получить на Рождество?

А вот он может! Ему три с половиной года. Он уже большой мальчик. Все так говорят.

Мама присела на корточки и тихонько заговорила с ним. Когда она спросила, не нужно ли ему в туалет, Дуглас отрицательно покачал головой. У нее на лице было уже знакомое ему усталое выражение, и он испугался, что, если они пойдут в туалет, их не пустят обратно в очередь и он не увидит Санту.

Мама улыбнулась своей чудесной улыбкой. Когда она улыбалась, на лице у нее появлялись три ямочки: две на щеках и еще одна над правым уголком рта. Она сжала его руку и пообещала, что ждать уже недолго.

Он попросит у Санты велосипед, игрушечные машинки, гараж, солдатиков и большой желтый бульдозер, как тот, что его друг Митч получил на день рождения.

Джессика слишком мала, она еще не доросла до настоящих игрушек. Вот ей и дарят всякую девчачью чепуху вроде платьев с оборочками и плюшевых мишек. Девчонки вообще тупые, а уж такие малявки, как Джесси, совсем ничего не соображают.

Но он замолвит Санте словечко за Джессику, чтобы Санта не забыл захватить чего-нибудь и для нее, когда будет спускаться к ним ночью по печной трубе.

Мама с кем-то разговаривала, но он не прислушивался. Взрослые разговоры его не интересовали. Тем более что очередь продвигалась, люди переминались с ноги на ногу, и из-за чужих спин он наконец-то увидел Санту.

Санта был очень большой. Дуглас даже испугал-

ся. Когда он видел Санту на картинках в книжке или в мультиках, тот вовсе не казался таким великано-м.

Он сидел на троне у входа в свою пещеру. Вокруг него было множество гномов, оленей и снеговиков. Все кругом двигалось — головы, руки... Большие-пребольшие улыбки.

У Санты была длинная борода. За ней его лица почти не было видно. А когда он издал свой громкий клич — хо-хо-хо! — Дуглас понял, что больше не вытерпит ни минутки.

Лампочки мигали, где-то плакал младенец, эльфы кривлялись.

Он уже большой мальчик. Большой. Он не боится Санта-Клауса.

Мама потянула его за руку, сказала, что надо идти вперед. Надо сесть на колени Санта-Клаусу.

Дуглас сделал шаг вперед, потом второй... Коленки у него дрожали. И тут Санта подхватил его на руки.

— Счастливого Рождества! Ты был хорошим мальчиком?

Ужас молотом хватил по сердцу Дугласа. Гномы окружали его, красный нос Рудольфа мигал. Снеговик повернул свою большую круглую голову и ухмыльнулся.

Великан в красном костюме крепко держал его и сверлил своими маленькими глазками.

Визжа, отбиваясь, Дуглас свалился с колен Санты и больно ударился об пол. И намочил штанишки.

Люди сомкнулись над ним, голоса плыли над его головой. Он свернулся клубочком и заплакал.

Потом появилась мама, обняла его, сказала, что

все хорошо. Она суетилась и ахала, потому что он стукнулся носом и у него пошла кровь.

Она поцеловала его, погладила по голове и не стала бранить за то, что он намочил штаны. Все еще всхлипывая и икая, он прижался к ней, спрятал лицо у нее на плече. Она крепко обняла его и подняла на руки.

Все еще продолжая его утешать, она повернулась.

И закричала. И бросилась бежать.

Цепляясь за нее, Дуглас посмотрел вниз. И увидел, что коляска Джессики пуста.

Часть I

ВЕРХНИЙ СЛОЙ

Куда бы мы ни направились по поверхности, не заглядывая вглубь, мы обнаружим, что люди уже побывали там до нас.

Генри Дэвид Торо

1

строительному проекту «Антитам»¹ пришел конец, когда Билли Янгер зацепил ковшом своего экскаватора первый череп.

Билли совсем не обрадовался находке. Он и без того был не в духе. Он сидел в кабине, обливаясь потом, и на чем свет стоит проклинал июльскую жару. Его жена была категорически против новостройки и пилила его не переставая. В то утро она выдала ему обычную трель на повышенных тонах, пока он хмуро доедал свою яичницу с сосисками.

Сам Билли плевать хотел на эту новостройку, но работа есть работа, а Долан хорошо платил. Билли с наслаждением орудовал рычагами. Машина не станет его пилить за то, что он делает свою работу. Больше всего на свете ему нравилось всаживать лезвие ковша в землю и чувствовать, что ковш зачерпнул щедрый кусок.

¹ Ручей Антитам — приток реки Потомак. В 1862 г. во время Гражданской войны здесь произошло сражение.

Но вытащить грязный, зияющий пустыми глазами череп вместе с мягкой и жирной пойменной почвой, увидеть, как это чертов череп скалится прямо ему в лицо, — нет, на это он не подписывался. Билли весил 250 фунтов¹, но и он завизжал, как девчонка, и выпрыгнул из кабины, словно его хлестнули крапивой.

Конечно, напарники его засмеют, и ему придется расквасить нос лучшему другу, чтобы отстоять свое достоинство, но все это будет потом. В тот жаркий июльский день он бежал по стройплощадке чуть ли не с той же скоростью, с какой когда-то в школьные годы бегал по футбольному полю.

Отдышавшись и вернув себе дар речи, Билли обо всем доложил старшему по смене, а старший доложил самому Рональду Долану. К тому времени, как прибыл шериф, строители нарыли еще несколько костей. Послали за судмедэкспертом. Нагрянула целая команда местных телевизионщиков — брать интервью у Билли, у Долана, у всех, кто мог заполнить вечерний эфир.

Поползли слухи. Стали поговаривать о кровопролитии, о массовых захоронениях, о серийных убийцах. Когда дознание закончилось и кости были признаны очень старыми, многих это не обрадовало, а скорее разочаровало.

Самому Долану на возраст костей было наплевать. Ему приходилось бороться с петициями, протестами, судебными запретами, чтобы превратить пятьдесят акров² заболоченной пойменной земли и леса в новостройку.

¹ Американский фунт равен 454 г.

² Акр равен 0,405 га.

А эти проклятые кости окончательно отравили ему жизнь.

Когда эта сучка Лана Кэмпбелл, недавно переехавшая в город леди-адвокат, скрестила свои бесконечные ноги и улыбнулась самодовольной улыбочкой, Долан еле сдержался, так ему хотелось съездить по ее смазливой физиономии.

— Как видите, судебный ордер совершенно недвусмыслен, — сказала она ему, продолжая лучезарно улыбаться.

Еще бы ей не радоваться! Она громче всех выступала против стройки.

— Зачем вам судебный ордер? Я прервал работы. Я сотрудничаю с полицией и с комиссией по застройке.

— Считайте его дополнительной мерой предосторожности. Окружная комиссия по застройке дала вам два месяца срока — подать отчет и убедить их, что ваше строительство должно быть продолжено.

— Я в курсе, милочка. Компания Долана сорок шесть лет строит дома в этом округе.

Он нарочно назвал ее «милочкой», чтобы разозлить. Поскольку они оба это знали, Лана лишь ухмыльнулась.

— Я всего лишь делаю свою работу. Историческое и Природоохранное общества наняли меня представлять их интересы. Члены факультета археологии и антропологии университета штата Мэриленд собираются посетить стройплощадку. Как их представитель, я прошу вас разрешить им забор и тестирование проб.

— Всех-то вы представляете! — саркастически заметил Долан и откинулся на спинку кресла. — Деловая барышня.

Он засунул большие пальцы обеих рук за подтяжки. Тяжеловесный ирландец с багровой физиономией, он всегда надевал красные подтяжки поверх синей рабочей рубашки, считая их деталью своей рабочей одежды. Эти подтяжки делали его своим среди рабочего класса, среди простых парней, которые сделали этот город и эту страну великими. Каков бы ни был его счет в банке, ему не требовались дорогие тряпки для самоутверждения.

Он по-прежнему водил старенький пикап. Американского производства.

В отличие от этой хорошенькой столичной штучки он родился и вырос в Вудзборо. И пусть ни она, ни кто-либо другой ему не указывает, что нужно его родному городу.

— Мы оба с вами люди занятые, поэтому я перейду сразу к делу, — спокойно продолжала Лана. — Вы не можете продолжать строительство, пока территория не будет изучена. Для этого нужно взять пробы, артефакты. Предметы материальной культуры, найденные при раскопках, — пояснила она. — Вам они совершенно не нужны. Сотрудничество в этом деле поможет вам укрепить пошатнувшуюся репутацию вашей фирмы.

— С репутацией моей фирмы все в полном порядке. — Он широко развел в стороны свои крупные сильные руки строителя. — Людям нужны дома. Людям нужна работа. Наш проект дает и то и другое. Это называется прогрессом.

— Тридцать новых домов. Усиление движения на дорогах, не выдерживающих такой нагрузки, и без того переполненные школы, утрата сельской атмосферы, загрязнение воздуха. — «Милочку» она пропустила мимо ушей, а вот старый спор ее раззодо-

рил. — Общественность города выступила против этого проекта. За качество жизни. Но сейчас речь не о том, — добавила она, не давая Долану возразить. — Пока кости не протестированы и их возраст не установлен, вы не сможете и пальцем шевельнуть. — И она для наглядности постучала пальчиком по судебному ордеру. — Возможно, «Строительная компания Долана» захочет ускорить процесс? Вы могли бы оплатить тесты. Датирование по радиоуглероду.

— Оплатить...

Лана хорошо подготовилась к разговору.

— Земля принадлежит вам. Все найденные в ней артефакты тоже принадлежат вам. Но вы прекрасно знаете, что мы будем бороться против строительства, мы засыплем вас судебными ордерами и исками. Советую вам заплатить, мистер Долан. — Она поднялась на ноги. — Ваши адвокаты дадут вам тот же совет.

Плотно закрыв за собой дверь кабинета, Лана позволила себе торжествующую улыбку. Ей хотелось сплясать джигу, но она удержалась — это было бы несолидно. Однако, выйдя на улицу и вдохнув влажный летний воздух, она чуть не вприпрыжку пустилась по Главной улице Вудзборо. Теперь это был ее город. Ее дом. Она жила здесь вот уже два года после переезда из Балтимора.

Это был славный городок, пропитанный историей и традициями, живущий сплетнями, защищенный от волны урбанизации расстоянием и нависающей тенью Голубого хребта.

Переезд в Вудзборо был смелым шагом для женщины, родившейся и выросшей в большом городе. Но, потеряв мужа, Лана больше не могла оставаться в Балтиморе. Смерть Стива гнула ее к земле. Ей по-

требовалось полгода, чтобы встать на ноги, вытащить себя из липкого тумана горя и вновь начать жить.

«А жизнь берет свое», — подумала Лана. Она тосковала по Стиву, все еще ощущала рану в сердце, в том месте, где раньше был он, но ей надо было жить дальше и работать. Хотя бы ради Тайлера, ее ненаглядного мальчика, ее сына.

Не в ее власти было вернуть ему отца, но она могла дать ему счастливое детство. Теперь ему есть где побегать, теперь у него есть шенок. Соседи. Друзья. Мать, готовая сделать все, чтобы он был доволен и чтобы ему ничто не угрожало.

Лана на ходу бросила взгляд на часы. В этот день после детского сада Тай должен был пойти в гости к своему другу Броку. Через час она позвонит Джо, матери Брока. Просто на всякий случай, чтобы убедиться, что все в порядке.

На перекрестке Лана остановилась, ожидая сигнала светофора. Машины тянулись неторопливо, как и положено машинам в маленьком городке. Сама она была не похожа на жительницу маленького городка. Ее гардероб в свое время был тщательно подобран, чтобы соответствовать образу преуспевающего адвоката из крупной юридической фирмы. Что ж, может, она и осела в провинциальном городишке с населением меньше четырех тысяч человек, который на карте с микроскопом не сыщешь, но это еще не значит, что она должна перестать одеваться как преуспевающий адвокат.

Сегодня на Лане был летний костюм из синего льна. Классически строгий фасон подчеркивал линии ее хрупкой, воздушной фигурки. Прямые светлые волосы, подстриженные «под пажа», обрамляли

преlestное молодое лицо. У нее были большие голубые глаза, придававшие ей обманчиво невинный вид, чуть вздернутый носик и полные, красиво изогнутые губы.

Она зашла в книжный магазин «Бесценные страницы», одарила ослепительной улыбкой мужчину за прилавком. И наконец сплясала джигу.

Роджер Гроган снял очки для чтения и удивленно поднял серебристые брови. Бодрый и стройный в свои семьдесят пять лет, лицом он напоминал Лане доброго сказочного волшебника. На нем была белая рубашка с короткими рукавами, его густая серебряная шевелюра растрепалась.

— Вид у вас довольный. Насколько я понимаю, вы только что виделись с Роном Доланом.

— Я к вам прямо от него. — Лана позволила себе еще один пируэт и наклонилась над прилавком. — Вам следовало пойти со мной, Роджер. Стоило взглянуть на его лицо.

— Уж больно вы к нему строги. — Роджер шутиливо щелкнул ее по носу. — Он всего лишь делает то, что считает правильным. — Лана устала на него с оскорбленным выражением. Роджер засмеялся. — Я же не говорю, что я с ним согласен! Мальчишка упрям, как и его старик. Не видит дальше своего носа. Не понимает, что раз уж мнения разделились, значит, надо все заново обдумать.

— Он обдумывает как раз сейчас, — заверила его Лана. — Пока проверяют и датируют эти кости, его дело стоит. Если нам повезет, кости привлекут к себе внимание на федеральном уровне. Мы можем остановить строительство на месяцы. Возможно, на годы.

— Вы и так уже застопорили его работу на месяцы.

— Он называет это прогрессом, — сказала Лана.

— В этом он не одинок.

— Одинок или нет, он не прав. Мне не терпится взглянуть на заключение археологов. А мы пока будем собирать деньги. Вдруг Долан передумает и продаст участок Природоохранному обществу Вудзборо? — Она откинула назад волосы. — Почему бы мне не пригласить вас на ленч?

— А почему вы не позволите какому-нибудь молодому красивому парню пригласить *вас* на ленч?

— Потому что я влюбилась в вас с первого взгляда, Роджер. — Это было не слишком сильным преувеличением. — По правде говоря, к черту ленч. Давайте махнем на Арубубу.

Роджер смущенно усмехнулся. Он потерял жену в тот же год, когда Лана лишилась мужа. Может быть, именно в этом — хотя бы отчасти — крылась причина мгновенно связавшей их симпатии? Он восхищался ее острым умом, ее упорством, ее безграничной привязанностью к сыну. У Роджера была внучка примерно ее возраста. Где-то в этом мире.

— Честно говоря, мне нужно занести книги в каталог. Новые поступления. Так что времени у меня нет — ни на ленч, ни на тропические острова.

— Я не знала, что у вас новые поступления. Это они?

Он кивнул, и она бережно взяла одну из книг.

Нечасто можно встретить букинистический магазин в крошечном провинциальном городишке с двумя светофорами. Лана знала, что клиенты Роджера, как и редкие книги, стекались к нему издалека.

В задней части магазина открылась дверь, отделявшая торговое помещение от лестницы, ведущей

на второй этаж, в жилые комнаты. Лана заметила, как просиял радостью Роджер, и обернулась.

Лицо вошедшего было необычайно выразительным. В темно-каштановой шевелюре, спускавшейся завитками на затылке до воротника рубашки, светлели золотистые прядки, выгоревшие на солнце. Со временем, подумала Лана, волосы поседеют и станут серебристыми, но останутся такими же густыми. Глаза были глубокие, темно-карие. Сейчас они смотрели мрачно и недовольно. Умное и волевое лицо. «Умное и упрямое», — уточнила для себя Лана. Впрочем, Роджер часто повторял, что его внук страшно упрям.

И еще он выглядел безумно сексуально. Как будто только что вылез из постели и второпях натянул старые джинсы — не потому, что ему это надо, так, для приличия.

По ее телу пробежала легкая приятная дрожь волнения. Давно уже с ней ничего такого не было.

— Даг! — В голосе Роджера слышалась гордость. — Я уж не чаял дожидаться, когда же ты спустишься. Но ты как раз вовремя. Это Лана. Я тебе рассказывал о нашей Лане. Лана Кэмпбелл — мой внук Даг Каллен.

— Рада с вами познакомиться. — Лана протянула руку. — С тех пор как я переехала в Вудзборо, нам так и не довелось встретиться. Вас все время нет на месте.

Он пожал протянутую руку, заглянул ей в лицо.

— Вы ведь адвокат?

— Признаю свою вину. Я как раз заглянула поделиться с Роджером последними новостями по делу Долана, а заодно и приударить за ним. Надолго вы вернулись в город?